

**МЕСТЬ
ЧЕРЕЗ ТРИ
ПОКОЛЕНИЯ**

**НАТАЛЬЯ
АЛЕКСАНДРОВА**

Формула страха

Наталья Александрова

Месть через три поколения

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Мечь через три поколения / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2016 — (Формула страха)

ISBN 978-5-699-92553-7

Они сойдутся на равных – прирожденный сыщик, умеющий быть вездесущим и незаметным, и гениальный преступник, готовый разыграть свой кровавый замысел, как музыкант-виртуоз разыгрывает пьесу. Вступление уже отзвучало, первые жертвы определены, но впереди охота на Ингу, которая из помощницы детектива вот-вот превратится в главную мишень убийцы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92553-7

© Александрова Н. Н., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Наталья Александрова

Месть через три поколения

© Александрова Н.Н., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Инга подбежала к подъезду.

В это самое мгновение дверь, как по заказу, широко распахнулась, и навстречу выплыла, опираясь на палку, дородная старуха. Инга протиснулась мимо нее в дверь. Старуха выпучила жабы глаза, проквакала раздраженно:

– Что? Куда?

– Полиция! – бросила Инга, чтобы бабка не подняла шум, и помчалась вверх по лестнице. Ждать лифт не было сил: в ушах звучал голос Воскобойникова, звенящий от изумления и ужаса: «Скорее! Сюда! Вы не представляете...»

– Где вы? – перебила его Инга.

– На Гражданке в той квартире. Адрес вы мне назвали.

На этом разговор, если это можно было назвать разговором, прервался.

В голосе Воскобойникова было что-то такое, что Инга не стала раздумывать. Она помчалась на Гражданку.

По дороге она несколько раз набирала его номер, но телефон не отвечал – только долгие равнодушные гудки.

Она на одном дыхании взлетела на четвертый этаж, остановилась возле двери, нажала на кнопку звонка.

Звонок раскатился за дверью гулкой трелью.

Он звучал так, как может звучать только звонок в пустой квартире, в квартире, где нет ни души.

Ни одной живой души.

Сердце все еще колотилось в груди, руки дрожали.

Инга позвонила снова, не надеясь на ответ.

Но ведь Воскобойников звонил отсюда, звонил совсем недавно. Он просил ее приехать!..

Голос, полный запредельного страха, все еще звучал в ее ушах.

Инга дотронулась до двери, словно дверь могла ответить, – и вдруг она отозвалась на это легкое прикосновение, как будто ждала ее, Ингу.

Не заперто. Бросить все и бежать отсюда как можно быстрее! Это самое умное, что она может сделать. Но когда же она слушалась голоса разума?

Она знала, прекрасно знала, что ни в коем случае нельзя входить в эту квартиру, но панический голос Воскобойникова снова зазвучал в голове, и Инга толкнула дверь и вошла.

Она вошла в эту квартиру, как ступают на минное поле, ожидая любой пакости, любого сюрприза. Может, Воскобойникову плохо, он ранен. Но кем? Кто может быть здесь?

Квартира была пуста, безлика, равнодушна, как номер дешевой гостиницы, которому все постояльцы на одно лицо.

Нет, неправда. Квартира затаилась, как зверь.

Инге казалось, за ней следят чьи-то пристальные, настороженные, немигающие глаза. Она осторожно пересекла прихожую, заглянула на кухню.

Прихожая как прихожая, в меру запущенная. Старое пальто на вешалке, тумбочка для обуви, засохшее пятно грязи на полу.

Кухня как кухня – подвесные шкафчики, плита, неработающий холодильник. Все какое-то не слишком чистое и не слишком новое, пустое и безликое. Ясно, что никто здесь давно ничего не готовит, даже чайник не кипятят.

И ни одной живой души.

Вернувшись в прихожую, Инга толкнула вторую дверь.

Ванная комната.

Обычная пустая ванная комната.

На полочке над раковиной – поцарапанный стаканчик с зубной щеткой, полупустой тюбик пасты. Мутное зеркало, треснувшая раковина, раскисший обмылок.

Ванна задернута пластиковой шторкой – голубые дельфины на синем фоне.

Вспомнив старый фильм ужасов, Инга отдернула шторку и с облегчением перевела дыхание – никого и ничего там не было, кроме самой обычной ванны. Грязноватой, с желтыми потеками.

Инга снова вернулась в прихожую, толкнула последнюю дверь и оказалась в жилой комнате.

Диван с потертой обивкой, стол, платяной шкаф. Занавески вылинявшие.

Никого.

Воскобойникова здесь не было.

Она снова услышала его голос, дрожащий от страха и волнения.

Что это было? Розыгрыш? Идиотская шутка?

Да нет, не может быть. Воскобойников на такое не способен. Солидный, вполне вменяемый человек. Не мог он так пошутить. Да и сыграть такой ужас просто невозможно.

Инга немного успокоилась.

Пока квартира не преподнесла ей никаких ужасных сюрпризов.

Но ведь Воскобойников ясно сказал, что звонит отсюда.

Чтобы окончательно разобраться, она достала мобильный и снова набрала номер Воскобойникова.

И тут же совсем рядом зазвучала мелодия старой песни:

«Сердце, тебе не хочется покоя...»

Инга растерянно завертела головой, пытаясь понять, откуда доносятся звуки, и почти сразу поняла, что источник в платяном шкафу.

Она шагнула к шкафу, протянула руку к дверце и вдруг замерла в нерешительности.

«Не делай этого, – говорил внутренний голос. – Не открывай. Обратной дороги у тебя не будет».

– Да что за черт, – проговорила Инга вслух, и собственный голос странно прозвучал в этой пустой комнате, показался чужим и незнакомым. – Почему я не должна этого делать?

«Беги отсюда, – звучал в голове голос, – беги немедленно. И сделай так, чтобы тебя никто не увидел».

– Не могу, – обреченно сказала Инга, – у меня обязательства перед клиентом.

Она вспомнила дрожащий голос Воскобойникова и распахнула дверцу шкафа.

И тут же увидела его.

Он стоял в шкафу на полусогнутых ногах, лицом к ней.

Воскобойников был мертв.

Глаза его были широко открыты, в них Инга прочла ужас и изумление. И еще – немую просьбу, мольбу.

К кому обращена эта мольба? К ней или к кому-то другому, кого здесь нет? О чем молят эти широко открытые мертвые глаза? О пощаде? О справедливости?

Приглядевшись, Инга поняла, что мертвый человек сохраняет вертикальное положение только потому, что привязан к одежной штанге пропущенным под мышками шарфом.

На нем были обычные брюки и свободная хлопковая рубаша явно большего, чем нужно, размера, не застегнутая на пуговицы, только запахнутая.

Из-под этой рубашки доносилась навязчиво-жизнерадостная мелодия старой советской песни.

«Сердце, тебе не хочется покоя...»

Инге захотелось, чтобы этот проклятый телефон замолчал.

Отчего-то ей не пришло в голову, что нужно самой нажать отбой. Вместо этого она протянула руку к трупку, чтобы достать его сотовый и придушить, разбить, заставить, наконец, чертов телефон умолкнуть, заткнуться.

Она распахнула рубаху.

И в ужасе отдернула руку.

Грудь Воскобойникова была рассечена, через нее наискось проходила огромная кровавая рана.

Инга почувствовала омерзительный, тошнотворный запах.

Запах мясной лавки.

Запах свежей крови.

Запах смерти.

Оттуда, из этой раны, из кровавого разреза доносилась навязчивая, невыносимая мелодия мобильного телефона:

Сердце, тебе не хочется покоя...

– Господи! – Инга из последних сил захлопнула дверцу шкафа, попятилась, споткнулась о край ковра и села на пол, больно ударившись копчиком.

Она закрыла глаза, но и в темноте перед ней стояла эта ужасная картина: криво рассеченная грудь Воскобойникова, его мертвые глаза, глядящие на нее с мольбой...

И музыка, проклятая музыка все еще звучала, лишая Ингу воли и рассудка.

Трясущейся рукой она полезла в карман.

Таблетку, скорее принять таблетку. Только таблетка поможет ей избавиться от этого кошмара, подарит блаженное беспмятство. Лучше не одна, а сразу две или три – они принесут покой и равнодушие ко всему.

И тут Инга вспомнила, что уже давно отказалась от таблеток, давно не встречалась с Дзюбой, отвратительным, гнусным доктором Дзюбой из наркодиспансера, который снабжал ее наркотой.

Вспомнила его мягкие влажные руки, сальный взгляд, от которого, казалось, на одежде остаются пятна, и ее передернуло.

Она сумела справиться с этой зависимостью. Справилась сама, без посторонней помощи, хотя это было невероятно трудно. Шеф, тот человек, на которого она теперь работала, поставил непереносимое условие: никаких таблеток.

Шеф.

Только он сможет ей сейчас помочь, поможет выпутаться из этого кошмара.

Она схватила свой телефон, сбросила вызов.

Из рассеченной груди мертвеца перестала наконец звучать эта жуткая музыка.

Инга перевела дыхание и набрала номер Шефа.

К счастью – если в ее положении это слово имеет какой-то смысл, – Шеф отозвался сразу.

– Что с тобой? – спросил он, услышав дрожащий голос Инги.

– Приезжайте скорее. – Она с трудом продиктовала ему адрес.

Он не стал задавать вопросов – видно, понял по ее голосу, насколько все серьезно.

– Еду.

Инга закрыла глаза, сжала зубы, обхватила колени ледяными руками и замерла.

Ее била отвратительная крупная дрожь.

Неужели ее жизнь снова скатывается в пропасть кошмара?

Она вспомнила другой день, когда так же сидела в пустой квартире рядом с трупом Макса – точнее, рядом с химерой, чудовищем, у которого была голова Макса и тело молодой красивой женщины. Сидела, как сейчас, дрожа от ледяного ужаса, и ждала Ивана. Ждала, что он придет и возьмет все на себя.

Ивана уже нет, и ей удалось забыть страшную смерть Макса. По крайней мере, так она думала до сегодняшнего дня.

Но все вернулось на круги своя.

Инга заскользила по кругам своей памяти, проваливаясь все дальше, все глубже в прошлое – к той ужасной ночи, когда кошмар вошел в ее жизнь.

Она увидела низкий, давящий потолок подвала, мертвое лицо сестры, расставленные вокруг нее горящие свечи и поняла, что все возвращается.

Нет, она не может позволить себе снова скатиться в пропасть безумия.

Чтобы не свихнуться, не закричать, не удариться головой о стену, она стала вспоминать, как все началось.

Шеф позвонил две недели назад и сказал, что для нее есть кое-что. Уже несколько месяцев она работала на него. Они познакомились при ужасных обстоятельствах, этот человек тогда очень помог ей. Сам Шеф – Инга всегда называла его так, потому что поди пойми, какое из его десятка имен настоящее, – оказался выдающимся специалистом, и ничего удивительного, что к нему обращались люди, которые отчаялись получить помощь в полиции или не хотели огласки. Шеф брался за самые сложные дела – искал пропавших, возвращал украденное, выслеживал преступников.

Нынешнего клиента звали Алексей Воскобойников. Он обратился по поводу пропажи своего брата.

Брат исчез месяц назад. В полиции по горячим следам завели дело, но дальше этого не пошло. В конце концов Воскобойникову надоело выслушивать отговорки, мол, парень молодой, может, решил куда-то уехать и сам объявится через полгода. А может, и не объявится, такое тоже бывает.

За две недели Инга сумела узнать кое-что, в том числе адрес этой самой квартиры, где брат Воскобойникова бывал. Буквально вчера она отчиталась перед клиентом и собиралась продолжить работу. Он согласился, что нужно ждать возвращения хозяина квартиры. И вот – нате вам, решил проявить самостоятельность. Что его сюда понесло? Кто поступил с ним так по-зверски? И зачем?

Шеф приехал очень быстро, она и не ждала его так скоро.

Громко хлопнула входная дверь, в коридоре послышались шаги.

Инга подняла голову и увидела его.

Снова привычно удивилась тому, насколько у него неприметное, незапоминающееся лицо. Кажется, закроешь глаза – и не вспомнишь.

Даже она, работая с ним и часто видясь, не могла вспомнить его черты уже через несколько минут после встречи.

– Что случилось? – Ему хватило одного взгляда, чтобы понять, в каком она состоянии. – Что такое? И почему дверь нараспашку?

– Там, – Инга подняла руку, как чужую, показала на шкаф, – там посмотрите...

Он подошел к шкафу, открыл дверцу, присвистнул:

– Ничего себе.

Потом повернулся к ней и мягко спросил:

– Ты ведь не первый раз видишь труп. И не такое видела. Почему такая паника?

– Телефон... – с трудом выдавила Инга.

– Телефон? – Шеф недоуменно поднял брови. – Какой телефон?

Она не могла объяснить ему, на это просто не было сил. Вместо этого нажала на своем повторный вызов, и тут же из груди Воскобойникова понеслась та же мелодия. Мелодия, от которой она едва не сошла с ума.

Сердце, тебе не хочется покоя...

– Вот как, – протянул Шеф и подошел к шкафу. На руках у него уже были латексные перчатки.

Инга хотела отвести глаза, но не могла. Как замороженная она смотрела, как Шеф запускает руку в кровавую рану и достает телефон.

Мелодия, до того звучавшая приглушенно, заполняла теперь всю комнату.

Сердце, тебе не хочется покоя,
Сердце, как хорошо на свете жить!
Сердце, как хорошо, что ты такое...

Инга зажала уши руками, чтобы не слышать этот ужас.

Шеф наконец нажал отбой.

Наступила блаженная тишина.

– У него оригинальное чувство юмора, – проговорил Шеф, опуская телефон в прозрачный пакет, в какие всегда складывал вещественные доказательства.

– Юмор? – Инга с трудом выговаривала слова. – При чем здесь юмор?

– У Воскобойникова нет сердца. – Шеф спокойно кивнул на шкаф. – Он вынул сердце, а вместо него вложил телефон с этой мелодией. Я же говорю: оригинальное чувство юмора.

– Юмор, – как эхо, повторила Инга. – Свихнуться можно от такого юмора.

– Свихиваться не нужно. Во всяком случае, не сейчас. Сейчас нужно подумать, что здесь произошло и что нам с тобой делать. Давай, соберись. – Он слегка поморщился. – Не распускайся.

Да, ждать от этого человека слов утешения было бы глупо. Впрочем, он прав, некогда расслабляться. По-хорошему, нужно уносить отсюда ноги, а то как бы этот шутник, который вставил несчастному мобильник вместо сердца, не вызвал полицию. У Шефа, конечно, в полиции все схвачено, но если приедут обычные менты из ближайшего отделения...

Стараясь не глядеть в сторону шкафа, где лежал, точнее, висел труп, Инга скороговоркой рассказала о звонке Воскобойникова и о том, какой ужас звучал в его голосе, из-за чего она и помчалась в эту квартиру, черт бы ее побрал.

– Что он мог здесь увидеть? – Шеф хищно оглядывался. – Что здесь такого, от чего пришел в ужас? Ничего интересного здесь нет, квартира как квартира, нежилая только. Значит, или он вызывал тебя под дулом пистолета, или убийца все отсюда унес. Все, что могло так испугать Воскобойникова. Ладно, протри все, к чему прикасалась, и пойдем.

– Неужели мы бросим его здесь?

Инге стало еще хуже.

Жил человек, вполне себе приличный, о брате горевал, хотел его найти, а его убили так страшно, и теперь он так и будет валяться в чужой пустой квартире.

– С полицией я разберусь, – буркнул Шеф, – если ты это имеешь в виду. А мобильник нельзя оставлять хотя бы потому, что в нем твои звонки. И много другого важного.

Напоследок Инга еще раз обошла квартиру, внимательно все разглядывая и запоминая. Пусто. Если и было что-то, чего Воскобойников так испугался, теперь этого здесь нет.

– Ты на машине? – спросил Шеф в прихожей.

– Нет.

– Это хорошо. Значит, выходишь сейчас из дома и идешь проходными дворами до Варсонофьевской больницы. Там в приемном покое встретимся.

Инга знала уже, что Шеф выбирает для деловых встреч самые необычные места. Нет чтобы посидеть, как все нормальные люди, в кафе и обсудить все деловые вопросы за обедом. Хотя после того, как она увидела изуродованный труп Воскобойникова, аппетита у нее не будет еще долго.

Она вышла из квартиры, не оглядываясь. Никто не встретился ей в подъезде, и во дворе никто не проводил взглядом. Хотя успокаиваться нельзя – это Шеф всегда и везде умеет быть незаметным, а ее, высокую худую блондинку, наверняка кто-то запомнит.

До больницы Святого Варсонофия, в которую недавно переименовали Седьмую городскую, Инга и правда добежала дворами довольно быстро, один раз только дорогу у старушки спросила.

В приемном покое толпился народ.

Кто-то мучительно стонал, кто-то ругался с соседями, кто-то безнадежно пытался прорваться без очереди в кабинет. По коридору сновали врачи и медсестры, забывая закрыть дверь, из которой немилосердно дуло. Провезли старика в инвалидном кресле, он хрипел и кашлял.

Инга прошла в дальний конец коридора и села на обшарпанный стул.

– Рассказывай! – услышала она тотчас знакомый голос. Шеф уже сидел рядом. Вот только что никого не было, и дверь ближайшего кабинета заперта, и коридор просматривается в оба конца – и вот, пожалуйста, сидит возле нее, уже достал зеленую папочку с какими-то медицинскими справками. Это чтобы не выделяться среди остальных.

Инга наклонилась ближе и вполголоса рассказала, как две недели назад встретила с Воскобойниковым.

Пропавший брат был младшим и не кровным, а единоутробным. Мать Воскобойникова в свое время вышла замуж второй раз и уехала с мужем в провинцию.

Алексей тогда был уже подростком, его оставили в Петербурге с бабушкой. Но связи с матерью и младшим братом они не теряли.

Прошло время, Алексей окончил институт, нашел хорошую работу. Потом умерла бабушка. Потом он женился.

Алексей Воскобойников был занят семьей и работой и отдалился от родных – пока не ушла жена. Ушла, как Инга поняла, нехорошо, обманом, это стало для него ударом, тем более что она и дочку увезла. Прошло еще какое-то время, и от брата пришло письмо: родители умерли, разбились на машине. Брат не просил денег, просто сообщил печальную новость. Воскобойников подумал и позвал его к себе. От бабушки осталась большая квартира, ему одиноко и неуютно было в ней одному – хоть волком вой.

Разница у них с братом была пятнадцать лет, но все-таки, как ни крути, родная душа.

Все оказалось не так уж плохо. Брат был парнем неплохим – в меру ленивый, в меру грубоватый, не пил и не кололся, словом, они ладили. Там, у себя, он все же получил какое-то образование и теперь искал работу, а пока перебивался случайными заработками. Развлекался, конечно, как умел – что еще делать в двадцать семь лет? Но вроде все было в порядке.

А потом он пропал. Просто не пришел ночевать и не отвечал на звонки – день, другой. Воскобойников обратился в полицию. Там ему быстро объяснили, что волноваться незачем: парень молодой, здоровый, в аварию попасть не мог, поскольку машины не было. Стало быть, просто загулял. Объявится рано или поздно, когда деньги закончатся.

Прошло больше месяца, брат не объявился, и Воскобойников обратился к Шефу, потому что твердо знал, что случилось что-то плохое. Чувствовал.

Инге клиент понравился. Нормальный такой мужчина, вежливый, проблему описал толково, без лишних слов. А что выглядит плохо для своих лет и нервный очень – так это понятно, сколько всего на человека навалилось, начиная с развода и заканчивая исчезновением брата.

Никаких полезных подробностей Воскобойников Инге сообщить не мог, понятия не имел, с кем брат общался и как проводил время. Принес только его увеличенную фотографию и пару-тройку флаеров разных баров, где, надо думать, парень тусовался чаще всего.

Во втором по счету заведении под вывеской «Африка» бармен вспомнил посетителя по фото и даже указал Инге девуцу, с которой тот иногда проводил время.

Девуцу звали Марина, и была она проста, как редис на огородной грядке. Болталась по недорогим барам, знакомилась там с парнями, но больше двух вечеров никто с ней не проводил – слишком заурядной она казалась даже для той простоватой публики, что посещала «Африку».

Инга сразу поняла, что с этой девицей надо действовать быстро. Сказала, что ищет Андрея по поручению хозяина фирмы, которую он обокрал. Денег немного, но дело в принципе.

Самой девице она пообещала за информацию заплатить, и та честно вспомнила этого парня, даже имя и фамилию назвала.

Вообще память у этой Марины оказалась просто отличной. Она вспомнила, что пару раз Андрей водил ее на квартиру. Сказал, что квартира не его, просто друг дал ключи, поэтому на ночь там оставаться нельзя. И еще продиктовала точный адрес и похвасталась, что у нее хорошая память на цифры.

Инга добавила ей еще денег. Встречалась та с Андреем около месяца назад, с тех пор его не видела. Ничего удивительного, видно, парень скучную девицу просто избегал.

– Что с квартирой? – спросил Шеф, когда она закончила отчитываться.

– Хозяин Роман Звягин работает на нефтяной платформе вахтовым методом – месяц там, месяц здесь. Сейчас как раз там, будет через две недели. Но в этой квартире он не живет, хотя и не сдает ее постоянно, потому как деньги не нужны – гребет их лопатой на своей нефтяной платформе, соседке хвастался.

– Надеюсь, в ЖЭКе ты не светишься? – спросил Шеф.

– Обижаете, – усмехнулась Инга, – они там в ногу со временем идут, все компьютеризовано. Я в их компьютер влезла, это проще простого. А с соседкой, конечно, поболтала – бабке скучно, она мне о целом подъезде сплетни выложила, не только о той квартире.

Шеф чуть прикрыл глаза, что, как Инга знала, означало у него высокую степень одобрения и призыв продолжать.

– Все это я изложила Воскобойникову и сказала, что нужно ждать возвращения хозяина квартиры. Он со мной согласился, а сам, видно, пошел туда. Кто его впустил, не ясно. Что он там увидел, тоже не ясно. А кто его убил – вообще непонятно.

– Да уж, – хмыкнул Шеф, – пока ясности никакой. Не по голове человека тюкнули, не нож в печень пихнули, а интересненько так клиента оформили. Думаю, скоро узнаем, что бы это значило.

Инга вздохнула и поежилась, потому что снова распахнулась дверь и потянуло сыростью. Высокий плечистый врач в куртке, наскоро накинутой на голубую медицинскую форму, прошел мимо, озабоченно говоря что-то по телефону. Ему наперерез выскочила женщина в белом халате, схватила за рукав, затараторила что-то быстро, потянула в кабинет.

Когда Инга повернула голову к своему собеседнику, рядом уже никого не было.

– Все, наконец? – Альбина недовольно взглянула на Варвару и машинально отработанным жестом поправила платиновую прядь. – Пора открываться!

– Все готово, Альбина Сергеевна! – Варвара преданно взглянула на хозяйку, метнула взгляд на Иннокентия: все проверил? не подведешь?

– А если все готово, так открывай. Пресса уже здесь, с минуты на минуту Сигизмундов появится.

Варвара нацепила на лицо улыбку и распахнула двери.

Вошли первые посетители: братья художники, немногочисленные представители прессы, еще два-три человека, наверняка чьи-то родственники.

Сзади маячила кудлатая борода художественного критика Полубоярского. Варвара облегченно вздохнула – среди галеристов ходило поверье, что, если на вернисаж пришел Полубоярский, выставка пройдет успешно.

– Дорогие друзья! – заговорила Альбина хорошо поставленным голосом, отодвинув Варвару в сторону. – Мы рады приветствовать вас в галерее «Палитра» на открытии выставки замечательного художника Вениамина Милославского «Язык сердца».

Альбина продолжала вещать о политике своей галереи, о значении Милославского для отечественного искусства, но посетители уже понемногу обходили ее и растекались по залам.

Варвара еще раз оглядела галерею – вроде все в порядке. Теперь нужно вовремя скомандовать официантам, чтобы начали разносить шампанское и закуски, – не слишком рано, чтобы не помешать официальной церемонии, но и не слишком поздно, чтобы гости не почувствовали себя обделенными.

И тут из второго зала донесся оглушительный визг.

Варвара схватилась за сердце и помчалась к источнику звука.

Неужели открытие выставки сорвется? Неужели его омрачит какой-то скандал?

Во втором зале было совсем немного посетителей.

И все они столпились у высокой стильной тумбы, стоящей в центре. На эту тумбу сама Варвара всего какой-то час назад поставила вазу муранского стекла с букетом живых цветов, чтобы придать выставке оттенок некоторой интимной доверительности.

Перед тумбой билась в истерике молодая женщина с перекошенным, словно сбившимся на сторону лицом, в которой Варвара не сразу узнала Лилию, жену коллекционера и мецената Виктора Шилова. Сам Шилов безуспешно пытался успокоить супругу и увести ее из зала. Обступившие их люди о чем-то взволнованно переговаривались.

Чуть в стороне от них стоял Иннокентий со своим вечно растерянным выражением лица.

– А-а-а, – визжала Лилия, вырываясь из рук мужа, – ты это нарочно! Ты хочешь моей смерти!

– При чем здесь я? – бормотал Шилов, безуспешно пытаясь оттащить Лилию в сторону.

В эту минуту он увидел Варвару и прошипел:

– Это, знаете, уже перебор! Я понимаю, что современное искусство должно эпатировать, но не до такой же степени!

– Да в чем дело? – Варвара все еще не понимала.

– Вы еще спрашиваете? – зло выдохнул Шилов, которому наконец удалось оттащить жену в сторону.

И тут Варвара увидела.

В вазе, куда она совсем недавно своими руками поставила букет цветов, теперь не было никакого букета.

Вместо него в чудесной венецианской вазе лежало что-то багрово-красное, влажное, отвратительное, в мутных кровавых сгустках и тусклых нашлепках жира.

– Сердце, – проговорил мужчина рядом с Варварой.

– Что? – переспросила та срывающимся голосом. – Что вы говорите? Какое сердце?

– Человеческое. Можете мне поверить, я хирург-кардиолог, такое каждый день вижу. Но хочу вам сказать, что на этот раз устроители выставки перегнули палку.

Тут он заметил бейдж на платье Варвары, и его брови удивленно поползли вверх.

– Так это вы устроили? Ничего себе экспонат! Я, конечно, не ханжа, но это, знаете ли, чересчур. – И хирург, возмущенно фыркнув, отошел в дальний угол.

Сама же Варвара двинулась к тумбе, чтобы как можно скорее унести шокирующий экспонат.

Она перехватила бараний взгляд Иннокентия и поняла, что рассчитывать может только на себя.

Однако это оказалось непросто.

Из первого зала, почувствовав сенсацию, уже набежали газетчики и с жадностью фотографировали вазу, отпихивая друг друга локтями в борьбе за лучший ракурс. Скандальный художник-перформансист Борис Петренский давал интервью какому-то каналу, заявляя во всеуслышание, что в экспонате нет ничего нового и он, Петренский, выставлял еще год назад в Манеже расчлененное человеческое тело.

Наконец Варвара пробилась к вазе и схватила ее, чтобы унести из зала.

Теперь, когда она видела ужасный предмет вблизи, не осталось никаких сомнений: это не муляж, не искусная подделка, а настоящее окровавленное сердце.

Почти все гости вернисажа толпились сейчас во втором зале.

В дверях показалась Альбина.

Одним взглядом она оценила масштаб скандала, выхватила из толпы Варвару и сжала узкие губы в многообещающую гримасу. Варвара, которая пробивалась к служебным помещениям, застыла на месте под ее испепеляющим взглядом.

Альбина в два шага приблизилась к ней и прошипела, как рассерженная гадюка:

– Что это? Как это здесь оказалось?

– Я понятия не имею, Альбина Сергеевна, – залепетала Варвара. – Я сама поставила в эту вазу букет цветов и не представляю, как...

– Можешь искать другую работу! – процедила Альбина.

Тут она заметила вьющихся вокруг телевизионщиков, направленные на Варвару с вазой камеры, и выражение ее лица начало неумолимо меняться.

– А впрочем, это не так уж плохо – о нас будут говорить. Пожалуй, это информационный повод...

Что Шеф, как всегда, прав, Инга поняла на следующий день к вечеру. Этот день она употребила на то, чтобы прийти в себя и осмыслить все вчерашнее.

Осмыслить никак не получалось. Перед глазами стояли полные ужаса мертвые глаза Воскобойникова, в ушах звучало назойливое «Сердце, тебе не хочется покоя». Да уж, покоя теперь у Инги точно не будет.

Она пыталась переключиться на работу, но, как назло, сегодня не было никаких заказов. В свободное от заданий Шефа время Инга занималась программным обеспечением компьютеров. Очень удобно: ни от кого не зависишь, никому не отчитываешься, выбираешь подходящее время. В офис ходить не надо – не торчишь там среди бездельников, не отвлекаешься на пустые разговоры.

Инга не любила пустые разговоры. Если честно, она вообще не любила общаться. Не то чтобы ей так нравилось одиночество, просто одной комфортнее.

Вечером Шеф позвонил.

– Телевизор включи! – велел он. – Хотя да, у тебя же его нет. Ладно, в Интернете найди сюжет об открытии выставки в галерее «Палитра». Очень любопытно, как раз по нашу душу. Потом мне позвонишь.

– И как? – поинтересовался он, когда Инга перезвонила, посмотрев сюжет несколько раз.

– Что, как? Думаете, это наше сердце? То есть его, Воскобойникова?

– Думаю, оно и есть.

– И за каким чертом его отнесли на выставку?

– А вот это тебе предстоит выяснить. Сходи туда завтра как посетитель, разузнай, заодно и к искусству приобщишься.

Инга подняла брови – раньше она не замечала, что Шеф умеет шутить. Хотя она вообще мало знает этого человека, и дело не в коротком стаже их знакомства.

Ладно, завтра она сходит в галерею. Судя по всему, ничего страшного ее там не ждет, все страшное уже случилось.

Галерея открывается в двенадцать, но лучше прийти попозже, часам к двум. Утром она сходит в парикмахерскую – давно пора – и выделяться не будет среди приличной публики.

Глава 2

В галерее «Палитра», несмотря на дневное время, было необыкновеннолюдно.

Перед входом длинноволосый молодой человек пытался произвести впечатление на девушку в свитере неопределенного цвета:

– Ты думаешь, эти люди интересуются современным искусством? Думаешь, они пришли увидеть картины Милославского? Да ничего подобного! Они и имени такого не знают. Слетелись на запах сенсации, как стервятники на труп. Или как мухи, сама знаешь, на что. Вчера на открытии было три с половиной человека, а как только по всем каналам сообщили, что в галерее нашли человеческое сердце, так народ буквально хлынул сюда. Утром здесь было вообще не протолкнуться. Ты видишь, Анфиса, никто ведь не интересуется картинами! Всем хочется узнать, где было это сердце, будь оно неладно!

– А кстати, молодой человек, где его нашли, это сердце? – как ни в чем не бывало спросила Инга.

Длинноволосый выразительно взглянул на свою знакомую, мол, что я тебе говорил, но потом все же повернулся, собираясь ответить какой-то резкостью. И тут же передумал: Инга, высокая, худая и стильная блондинка, не могла не произвести впечатления. Молодой человек задрал голову, картинно откинул волосы, закашлялся и скороговоркой проговорил:

– Пойдемте, девушка, я вам все покажу. Я работаю здесь и все знаю, так что, можно сказать, из первых рук...

Его невзрачная собеседница глянула на Ингу с откровенной неприязнью, но признала, что рядом с такой красоткой ей ловить нечего, и смиренно отошла в сторону.

Длинноволосый ввинтился в толпу, то и дело оглядываясь на Ингу, подвел ее к тумбе, на которой стояла ваза с живыми цветами, и сообщил таким тоном, как будто был причастен к тайному знанию:

– Вот здесь оно лежало в вазе. Представляете, какой ужас?

– В этой самой вазе?

– Нет, ту вазу забрала полиция, как это, вещественное доказательство. А вы интересуетесь современным искусством?

– Не особенно, – честно призналась Инга. – Я из тех, которые, как стервятники, слетелись на запах сенсации.

Молодой человек покраснел и даже, кажется, стал меньше ростом.

Инга огляделась.

Пришла она на эту выставку, и что это дало?

Она ни на шаг не приблизилась к разгадке смерти Воскобойникова и исчезновения его брата. Что бы там Шеф ни говорил, но чем ей может помочь эта галерея? Ладно, попробуем тогда приобщиться к искусству.

Вокруг сновали посетители выставки, разглядывая картины.

Инга тоже взглянула на них, впрочем, без особого интереса.

В основном это были вполне заурядные пейзажи, портреты и натюрморты, ничего особенного. Вдруг на дальней стене она увидела картину, которая резко выбивалась из общего ряда.

На картине был полуоткрытый платяной шкаф, а в этом шкафу...

Инга не поверила своим глазам.

В шкафу был подвешен ухмыляющийся мертвец.

Он висел точно в той позе, в какой Инга нашла мертвого Воскобойникова. Только выражение лица другое. На лице Воскобойникова застыло выражение ужаса, безмерного удивления, мольбы, а у мертвеца на картине была наглая, издевательская ухмылка.

Инга протолкалась поближе, чтобы лучше рассмотреть.

Это не могло быть совпадением.

– «Не ждали», – раздался рядом чей-то голос.

– Кто не ждал? – Она обернулась и увидела, что длинноволосый молодой человек снова оказался рядом.

– Эта работа называется «Не ждали». Вы понимаете, этим названием автор отсылает к знаменитой картине Репина.

– Понимаю, – усмехнулась Инга. – Вообще эта картина очень отличается от остальных. Как будто у нее другой автор.

– Вы совершенно правы! – Молодой человек оживился. – Эта работа относится к раннему периоду творчества Милославского, когда он находился под влиянием немецких экспрессионистов со свойственной им любовью к гротеску, резким, цветовым сочетаниям, шокирующим сюжетам и деталям. Позже художник перешел к другой эстетике...

Инга его не слушала: она смотрела на картину.

Теперь она увидела то, чего не заметила издали. Ту самую шокирующую деталь.

Грудь мертвеца была криво рассечена, как грудь Воскобойникова. Из кровавой раны, как из жилетного кармана, торчали большие, тщательно выписанные серебряные часы с массивной цепочкой.

Инге показалось, что земля уходит у нее из-под ног. Она вспомнила тот ужас, который пережила в пустой квартире рядом с телом Воскобойникова. Вспомнила мелодию довоенного шлягера, звучащую из рассеченной груди.

Сердце, тебе не хочется покоя...

Теперь эта мелодия ассоциировалась у нее только со смертью. Со страшной смертью.

– Вы так побледнели! – всполошился назойливый молодой человек. – Вам нехорошо? Согласен, эта картина может шокировать неподготовленных. Мы даже не хотели включать ее в экспозицию, но автор очень настаивал...

– Здесь просто душно, – отмахнулась Инга. – Вас, кажется, разыскивала ваша подруга.

– Ах, Анфиса. – Молодой человек снова смутился, но тут же забормотал: – Это просто знакомая...

– Меня это не интересует, – отрезала Инга.

Она справилась с головокружением и снова пригляделась к часам на картине.

Шеф любит повторять: нельзя привыкнуть к ужасному, с которым они сталкиваются в своей работе. Если ты к этому привыкнешь, в тебе не останется ничего человеческого. Но можно научиться воспринимать ужасное с трезвым профессионализмом, а для этого нужно внимательно вглядываться в то, что тебя потрясло, подмечать каждую деталь, любую подробность, ничего не упуская.

И Инга принялась внимательно разглядывать картину.

Первое, что она поняла: рана на холсте была в точности такой же формы, как рана на груди Воскобойникова, как будто художник писал ее с натуры.

Нет, тут же поправила она себя, картина написана значительно раньше, чем убит Воскобойников. Значит, как ни чудовищно это звучит, не художник копировал убийцу, а убийца – художника.

После раны она перешла к часам, торчащим из окровавленной груди.

Часы были выписаны с особой тщательностью.

Старинные серебряные часы, какие когда-то давно мужчины носили в жилетном кармане.

В верхней части циферблата Инга разглядела слово, вероятно, название фирмы, написанное затейливым готическим шрифтом: Westgotten.

– Вестготтен, – произнесла Инга это незнакомое слово, словно пробуя его на язык.

– Что вы говорите? – удивился длинноволосый молодой человек, который все еще ошился рядом, хотя Инга ясно дала понять, чтобы ее оставили в покое.

– Да так, ничего. А вам не пора заняться делом? Вы же вроде здесь работаете.

Молодой человек расстроено тряхнул волосами и наконец отошел.

Инга сфотографировала картину на телефон и хотела уже уйти, когда увидела на столике в углу стопку цветных каталогов. Она взяла один, нашла ту самую картину и взглянула на репродукцию.

Есть такая детская игра – найди десять отличий, развивает память и наблюдательность. Но сейчас не нужно было долго сравнивать репродукцию с оригиналом, чтобы найти одно, зато весьма важное отличие.

На циферблате часов в каталоге не было названия фирмы. Не было загадочного слова Westgotten, написанного изящным готическим шрифтом.

Инга подошла с раскрытым каталогом к длинноволосому сотруднику.

– Смотрите, а репродукции у вас халтурные. Не передают кое-какие детали.

– Что вы говорите? – Парень надулся, как индюк. – Я сам делал фотографии для каталога! Они же цифровые, с большим разрешением, как это нет деталей? Вы же понимаете: фотография есть фотография, особенно цифровая. Она передает все точно.

– А вот посмотрите: на картине есть название часовой фирмы, а в каталоге нет.

Длинноволосый тип уставился на репродукцию, как баран на новые ворота, потом перевел взгляд на оригинал – и его лицо еще больше вытянулось.

– Странно, – протянул он и тут же окликнул проходившую мимо молодую женщину с бейджем на платье: – Варвара Юрьевна, посмотрите.

– Что тебе, Иннокентий? – Дама взглянула на него с явным неодобрением, видно было, что он не пользовался у нее особой любовью.

– Посмотрите, как странно. В каталоге нет названия фирмы, а на картине оно есть.

– Какое название, о чем ты? – Ей явно было не до него.

– Да вот же! – не сдавался Иннокентий. – Видите, вон там, на циферблате часов...

Варвара нехотя взглянула на репродукцию, потом на картину и растерянно опустила руки.

– Что за черт? Я прекрасно помню, что здесь не было никакого названия!..

Она подошла к картине вплотную, пригляделась.

– Эти буквы написаны совсем недавно, краска только-только высохла. И рука совсем не Милославского, другой мазок, другая проработка линии...

Она повернулась к Иннокентию и строго спросила:

– Это твои шутки?

– Варвара Юрьевна, как вы могли подумать? Я бы никогда в жизни не позволил себе...

– Да, тебе, пожалуй, слабо, – она усмехнулась, – да ты и кисть держать не умеешь.

Инга не стала дожидаться окончания инцидента. Она тихонько выскользнула из зала, вышла из галереи и направилась домой.

У нее больше не было сомнений, что надпись на картине – дело рук того же человека, который принес в галерею сердце Воскобойникова. Дело рук убийцы.

Это послание.

И это послание адресовано ей, Инге.

Но что убийца хотел своим посланием сообщить?

Дома Инга первым делом включила компьютер и задала в поисковой строке слово, написанное на циферблате.

Для начала она сформулировала запрос так: «Часовая фирма Westgotten».

Но часовой фирмы с таким названием всезнающая Сеть не обнаружила.

Тогда Инга набрала просто «Вестготтен», кириллицей и без всяких уточнений. На этот раз улов был ненамного богаче.

Ей тут же выдали информацию о небольшой фирме, точнее, об индивидуальном предпринимателе с такой фамилией.

«Вильгельм Карлович Вестготтен. Ремонт, продажа и покупка старинных музыкальных инструментов, клавесинов, clavиров и клавикордов, а также фонографов и граммофонов».

– Вот как. – Инга зашарила рукой по столу в поисках мобильного, но он зазвонил сам.

– Приходи через час на Ипатьевский рынок, поговорим.

Инга только вздохнула – привыкла уже, что Шеф никогда не назначает встречу в обычном месте.

Ипатьевский рынок отстроили недавно – большое крытое здание было заполнено едва наполовину, народ к рынку не привык. Инга миновала мясные ряды, вошла в овощные.

– Бери помидоры, красавица! – окликнули ее.

Инга отмахнулась и свернула в проход поуже. Какой-то мужчина придиричиво осматривал яблоки. Покупатель был самого скромного, можно сказать, непрезентабельного вида: потертая кепочка, заштопанная дыра на куртке, далеко не новая сумка на колесиках. Инга прошла было мимо, но он, не глядя, схватил ее за руку. Только тогда она узнала в неказистом мужичке Шефа.

«Сумка на колесиках – это уже перебор», – мысленно усмехнулась Инга, но вслух, разумеется, ничего не сказала.

– Что узнала в галерее? – Шеф уже оторвался от яблок и подталкивал Ингу к апельсинам.

Она быстрым шепотом рассказала о картине с часами и о вписанном туда имени Вестготтен. И о том, что есть такой реальный человек и зовут его Вильгельм Карлович Вестготтен. Торгует старинными музыкальными инструментами, граммофонами и фонографами.

– Сходи туда завтра, – кивнул Шеф, – оглядись. Это ниточка. Тоненькая, конечно, но другой у нас нет.

Инга нахмурилась – идти одной очень не хотелось. Но спорить с Шефом тоже не станешь, не тот человек.

– Что там, в квартире? – спросила она.

– Полиция нашла труп, – нехотя ответил Шеф, – разбираются теперь. Насчет сердца, думаю, уже сообразили. Провели следственные мероприятия – никто в тот вечер Воскобойникова не видел. Как он вошел в квартиру, кто ему открыл – никто не знает. Формально квартира пустая, хозяин в отъезде, это ты знаешь. И вот еще что: в его мобильнике стерты все контакты. И все звонки. Кроме твоих.

– Вот как? Стало быть, тот, кто его убил, знает обо мне?

– Выходит, что так. Но если бы он хотел тебя убить, то сделал бы это в той квартире, пока ты меня ждала, – спокойно, как само собой разумеющееся, констатировал Шеф и отвернулся, разглядывая виноград.

Инга посмотрела ему в спину со злостью. Нечего сказать, успокоил!

Шеф почувствовал ее взгляд.

– Не расстраивайся, все равно теперь ты с этим делом завязана. Даже если все бросишь – он тебя в покое не оставит. Зачем-то ты ему нужна.

– Вот спасибо-то, – рассердилась Инга, – и за что мне все это? За какие грехи?

– Не знаю пока, – серьезно сказал Шеф, – но обязательно узнаю. Так что наберись терпения и съешь вот мандаринчик.

Когда только очистить успел? Инга положила дольку в рот и зажмурилась от удовольствия, мандарин был душистый и сладкий. А когда открыла глаза, никакого Шефа рядом не было. Бойкая таджичка взвешивала ей мандарины.

– Бери-бери, – уговаривала она, – еще не раз придешь!..

Инга вошла в офисный центр. Когда-то, должно быть, здесь был научно-исследовательский институт или конструкторское бюро, но времена изменились, секретный НИИ, даже если выжил, переехал куда-нибудь на окраину, а на его месте предприимчивые владельцы здания организовали этот центр, сдавая бывшие лаборатории под офисы и торговые площади.

За дверью, как в прежние времена, находился турникет, только вместо суровой вахтерши с кобурой на боку входящих встречал толстый отставник с густыми кустистыми бровями, с мрачным видом разгадывающий кроссворд.

При виде Инги он решил проявить бдительность, поднял на нее носорожья глазки и строго спросил:

– Не торговый агент?

– А что, похожа?

– Где вас разберешь! – Охранник окинул ее подозрительным взглядом.

– Нет, не торговый.

– Тогда к кому?

– К Вестготтену! – с вызовом произнесла Инга мудреную немецкую фамилию.

– Ах, к Вильгельм Карлычу. – Привратник подобрел, даже заулыбался, отчего носорожья кожа пошла складками: – Тогда проходи. На третьем этаже он, налево по коридору.

Инга скупо поблагодарила, поднялась на третий этаж и пошла по длинному, плохо освещенному коридору, разглядывая таблички на дверях.

Она миновала несколько коммерческих фирм, офис почтового оператора, отделение шведской фармацевтической фирмы и еще две-три непонятных конторы и наконец увидела то, что искала:

«В. К. Вестготтен. Старинные музыкальные инструменты, фонографы и граммофоны».

Дверь была неплотно прикрыта, из-за нее доносился хрипловатый голос какой-то певицы. Слов было не разобрать, но мелодия показалась Инге смутно знакомой, хотя была в этой песне какая-то назойливая странность.

Она осторожно толкнула дверь и вошла в просторное полутемное помещение.

Окна были задернуты плотными шторами, верхний свет не горел, включена была только настольная лампа под зеленым стеклянным абажуром, от которой все вокруг казалось слегка нереальным. Впрочем, нет, лампа была не единственным источником света. В глубине помещения, должно быть, горели свечи, и их колеблющийся свет делал комнату еще более фантастической.

Все свободное место здесь занимали музыкальные инструменты. Инга не знала их названий: клавирины? клавикорды? Что еще там значилось в объявлении? Сразу было видно, что все эти инструменты очень старые. Благородное дерево с инкрустацией, вставки из слоновой кости и бронзы и непередаваемый, едва уловимый запах старины. И еще какой-то запах, смутно знакомый и неприятный.

Над странной комнатой властвовал хрипловатый надтреснутый голос.

Тот самый, который Инга услышала из-за двери:

Руки, вы словно две большие птицы,
Как вы летали, как оживляли все вокруг...

Раздался шорох, негромкий скрип, и снова тот же голос:

Руки, вы словно две большие птицы...

Инга поняла, что слышит заевшую граммофонную запись.

Она даже вспомнила, как зовут эту певицу: Клавдия Шульженко.

Когда-то давно, когда они с сестрой жили в Луге, у соседки тети Сони была пластинка с записями Шульженко. Соседка часто ее слушала – что-то такое про синенький скромный платочек и еще о том, что нужно взять гитару, и она расскажет. Про руки там тоже было.

И тут Инга вспомнила другую старую песню. Ту самую, что звучала в квартире, где она нашла мертвого Воскобойникова, – о сердце, которому не хочется покоя. Ох, не к добру такие совпадения.

Захотелось немедленно уйти. Но Шеф ведь спросит, что она выяснила, и что она ему скажет?

Инга обхватила себя руками за плечи и постояла так с полминуты, глубоко дыша.

Кажется, удалось прийти в себя.

– Вильгельм Карлович, вы здесь?

Ей никто не ответил, только хриплый голос Клавдии Шульженко повторял и повторял свое бесконечное:

Руки, вы словно две большие птицы...

Инга не могла больше слышать эту песню. Она пошла вперед, на голос, чтобы остановить ее, выключить чертов граммофон.

Обошла стадо старинных инструментов и только теперь увидела хозяина этой странной мастерской.

Пожилый человек сидел спиной к Инге за очередным клавесином. Длинные седые волосы спадали на воротник старомодного бархатного сюртука.

Чуть в стороне на низком столике стоял граммофон.

Широкая труба была направлена в сторону двери, пластинка крутилась, голос Шульженко повторял свою фразу, как заклинание.

На крышке клавесина горели свечи в тяжелом бронзовом подсвечнике. Это они озаряли комнату живым подвижным светом, они придавали всему фантастический вид.

Сердце Инги забилося часто-часто. Свечи на клавесине напомнили ей другие свечи, расставленные на полу вокруг ее мертвой сестры. Низкий, давящий свод подвала, чувство безысходности... Самая страшная ночь ее жизни.

Усилив воли она отбросила эти страшные воспоминания.

– Вильгельм Карлович! – окликнула она старого музыканта.

Он не обернулся на голос, даже не шелохнулся.

С трудом преодолевая страх, Инга сделала еще несколько шагов вперед.

Ей пришлось обходить клавесин, поэтому она оказалась сбоку от Вестготтена. Теперь она видела его в профиль. Худое, морщинистое, удивительно одухотворенное лицо. Впечатление усиливали играющие на бледной коже отблески свечей. Глаза сидящего были полузакрыты, руки лежали на клавиатуре инструмента.

Приглядевшись, Инга увидела некоторую странность.

Она не сразу поняла, в чем дело, а когда поняла, невольно вскрикнула и попятилась в ужасе.

Из рукавов бархатного сюртука выглядывали краешки манжет и больше ничего. Кистей рук не было.

– Вильгельм Карлович, – позвала Инга дрожащим голосом, уже понимая, что старик не отзовется, что она опять опоздала, что он мертв. Только колеблющееся пламя свечей оживляло его морщинистое лицо.

Руки, вы словно две большие птицы,
Как вы летали, как оживляли все вокруг, —

бесконечный раз повторила Клавдия Шульженко на запиленной пластинке.

Инга не выдержала, метнулась к граммофону и сбросила иглу. Кажется, она процарапала пластинку, но какая теперь разница.

В комнате наконец наступила тишина.

Страшная, гнетущая тишина смерти.

Инга заставила себя повернуться к старику. Да, сомнений никаких: он мертв. Теперь она увидела кровавые обрубки, выглядывающие из рукавов его куртки.

Она поймала себя на том, что нисколько не испугалась и почти не удивилась, потому что чего-то подобного и ожидала.

Вот, значит, как. Убийца играет с ней в игру. Он дает ей одну за другой подсказки, ведет ее от одной ужасной сцены к следующей.

Хотя сегодня ей не было так страшно. Не кружилась голова, не темнело в глазах, не хотелось упасть на пол и орать, катаясь по этому полу, или биться головой о стенку.

И вот что теперь делать? Звонить Шефу и вызывать его сюда? А смысл? Пока она будет его ждать, кто-нибудь войдет и увидит ее здесь. Бежать с криком по коридорам? Вызовут полицию, Ингу продержат до вечера и замучают вопросами: зачем пришла, какое отношение имеет к несчастному старику? А ей и сказать нечего, потому что правде никто не поверит.

Нет, нужно уходить отсюда как можно быстрее. Черт, ведь ее охранник запомнил наверняка! Ладно, все равно нужно идти.

Она не стала осматриваться – все равно не найдет ничего нужного, убийца постарался.

Инга подхватила сумку, протерла звукозаписывающую головку граммофона носовым платком и вышла из мастерской бедного Вильгельма Карловича. Вот интересно, он-то чем убийце помешал?

На месте толстого охранника сидела средних лет дама в малиновом костюме и болтала по телефону. На Ингу она даже не взглянула.

По дороге она с трудом сдерживала себя, чтобы не оглянуться. Казалось каждую минуту, что в спину упираются чьи-то недобрые глаза. Разумеется, это все нервы, никто за ней не следит.

Дома едва хватило сил снять сапоги и куртку. Инга повалилась на диван и затихла. За что ей все это? Зачем она согласилась работать на Шефа? Могла бы отказаться, распрощаться с ним, и все.

Не могла она распрощаться. Не могла, потому что он обещал помочь в самом главном деле ее жизни. Он обещал, что они вместе найдут убийцу сестры.

Больше восьми лет прошло с тех пор. Полиция так и не нашла маньяка, который сотворил такое с ее любимой единственной сестрой. Да полно, маньяк ли это? Все запуталось, и хотя она, Инга, сумела выяснить многое, главное так и осталось под замком.

Если честно, ей своей жизни не жаль. Никого из близких у нее больше нет, никто по ней не заплачет. И работать на Шефа ей даже нравилось. До сих пор, до дела Воскобойникова.

Инга свернулась калачиком на диване и затихла. Мыслей в голове не было. Одно она знала точно: отрубленные кисти старого музыканта обязательно всплывут, причем убийца постарается сделать их появление как можно более эффективным.

Тишину нарушил негромкий, но очень назойливый звук, Инга не сразу сообразила даже, что звонит ее мобильник, до того звук был далекий. Она заметалась по комнате, ища запропавший телефон. Не нашла, бросилась в прихожую, вытряхнула сумку – мобильный пропал, как корова языком слизала. Мелькнула надежда, что он умолкнет и не нужно будет его искать.

Но на том конце оказался кто-то очень упорный, мобильник звонил и звонил. И вот, когда Инга, бессильно ругаясь, перевернула диванную подушку, телефон сам выскочил ей в руки.

Надо же, как он там оказался? Нет у нее ни маленьких детей, ни домашних питомцев. Поневоле поверишь в мистику или в зеленых человечков.

Номер высветился незнакомый.

– Да! Слушаю!

– Это я, – послышался как будто полусонный голос, – я, Марина.

Так, Инга понятия не имела, что за Марина, но голос этот определенно слышала. Как-то интересно девица растягивала слова.

– Не помнишь? – догадались на том конце. – Марина я, мы в «Африке» встречались.

В Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы... И тут Инга вспомнила.

– Так ты из бара «Африка»?

– Ага, – обрадовалась Марина. – Слушай, я чего звоню. Ты ведь мне телефон свой дала и сказала, если что вспомню, тебе звякнуть.

– Вспомнила? – оживилась Инга.

– Да понимаешь, вспомнила, что в последний раз я Андрея видела с одной девкой. Такая, брюнетка, коротко очень стриженная, совсем почти волос нет. А рот большой, как у лягушки, еще покрашенный очень сильно. Я еще тогда подумала: что он в ней нашел? Совершенно ничего в ней нет, а держит себя как королева. Ему только сквозь зубы цедит: «Пойди принеси».

– Когда это было?

Марина назвала то самое число, когда, по словам покойного Воскобойникова, он последний раз видел брата живым.

– Точно?

– Ты же знаешь, у меня на цифры и даты память хорошая. Что раз услышу – не забуду.

– Что ты еще о той брюнетке можешь сказать?

– А что о ней говорить, когда она здесь сидит?

– Где сидит? – заорала Инга.

– Да в «Африке» же. Через два столика от меня.

– Слушай! – Инге внезапно стало плохо, потому что она представила, как недалекая Маринка валяется где-нибудь в пыльном углу без некоторых частей тела. – Слушай и не повторяй за мной! Сиди тихо, в сторону той девки не смотри. Никуда не выходи – ни в сортир, ни в коридор, на людях все время будь. Я приеду через полчаса, максимум сорок минут. А до того с места ни ногой! Это опасно, понимаешь?

– Да-а? Ла-адно, подожду, – протянула Марина с явной неохотой.

Инга успела за тридцать две минуты – водитель попался отличный. В баре «Африка» народу было немного. Не того пошиба заведение, чтобы народ толпой ломился.

Инга обежала глазами зал и не нашла Марины. Никого похожего на роковую брюнетку не нашла тоже. Торчала там пара-тройка вульгарных блондинок, одна рыжая с модной кичкой на темечке и одна баба, крашенная перьями. Эта была не первой молодости и в дупель пьяная.

– Вот куда она подевалась, дурочка, – с тоской пробормотала Инга, – велела же сидеть и не рыпаться.

На душе у нее было пакостно. Неужели, сама того не желая, она втянула девчонку в неприятности? Причем неприятности – это еще мягко сказано.

Инга вышла в коридорчик перед туалетом. Там никого не было, но дверь дамской уборной чуть дрожала, как будто ее только что прикрыли неплотно, потому что очень торопились.

Уже ни в чем не сомневаясь, Инга рванула эту дверь на себя. В туалете было пусто, только капала вода из неплотно закрытого крана. Она опоздала, Маринке уже ничем не помочь. Возле одной из кабинок валялась женская туфля.

На негнущихся ногах Инга подошла к кабинке и открыла дверь.

Несчастливая девица сидела на полу, прислонившись к унитазу. На голове у нее был туго завязан полиэтиленовый мешок.

– Нет! – закричала Инга и вцепилась в мешок.

Она рвала его ногтями и зубами, и наконец полиэтилен поддался. Лицо Марины было синюшным, но еще теплым.

Инга выволокла тело из кабинки, положила на кафельный пол и наклонилась, стараясь впихнуть воздух сквозь сжатые губы. Сколько Маринка так пролежала? Может, еще не поздно?! Ведь в мешке оставался еще воздух, так не бывает, чтобы совсем ничего не осталось...

Показалось или безвольное тело под ней и правда шевельнулось? Инга удвоила усилия. На пределе, с той силой, на какую только была способна, она вдвухала воздух в рот Маринки. Наконец та закашлялась и с хрипом втянула воздух туалета, воняющий дешевым дезодорантом.

– Слава богу! – Инга попыталась приподнять ее, усадить.

Тут в дверь сунулась в хлам пьяная баба, крашенная перьями.

– А это чего вы?..

– Скажи там, чтобы «Скорую» вызвали, – рявкнула Инга, – человеку плохо!

Баба удивительно бодро почесала обратно в зал.

– Ну-ну, все хорошо, успела я вовремя, – бормотала Инга, стараясь удержать в сидячем положении Маринку, но та все норовила завалиться на пол. Тело ее стало как будто ватным, пустые глаза как-то странно вытаращились.

– Эй, – Инга слегка похлопала девицу по щекам, – в себя приди!

Ничего не помогало. Пришлось побрызгать в лицо несчастной холодной водой, и только так она наконец добилась некоторого эффекта. Во всяком случае, Маринка смогла сидеть самостоятельно, и глаза ее теперь не были вылуплены, как у больной лягушки.

– Кто тебя? – спросила Инга, уже зная ответ.

– Не помню. Как вошла в сортир, так по голове получила, и темнота...

– Говорила, сиди на месте, – ворчала Инга, – чего тебя сюда понесло?

– Надо было... Ой! – Маринка скривилась. – Голова болит, прямо раскалывается.

– Да у тебя там кровь! – ахнула Инга. – Здорово тебя приложили.

В дверь снова заглянула давешняя тетка. Теперь она казалась вполне трезвой.

– «Скорую» вызвала, – отчиталась она, – и полицию тоже. Скоро все приедут.

– Молчи, – шепнула Инга, – ничего никому не рассказывай. Ты ничего не помнишь и нападавшего не видела.

Маринка глянула на нее вполне осмысленно и едва заметно кивнула. Прониклась наконец серьезностью момента.

– Что тут у вас? – В дверях стоял человек в голубой медицинской униформе. Инге с пола он показался удивительно высоким.

– Напали вон на нее, – кивнула она, – по голове дали и мешок на голову надели.

– О как, – хмыкнул врач. Легко отодвинул крашеную, которая вертелась рядом, и наклонился над Маринкой. Посмотрел ей в глаза, осторожно ощупал затылок, повернул голову к свету. Нарисовалась озабоченная медсестра, протянула ему чемоданчик. Врач быстро обработал рану, потом посмотрел на Ингу, которая так и сидела рядом на полу, рывком поднял ее с места. Явился водитель «Скорой» с носилками, Марину погрузили и понесли.

– Жить будет, – сказал врач бармену и тетке в перьях. – Обследуем на предмет сотряса, а так ничего.

Теперь было видно, что он и вправду очень высокий, плечистый и сильный.

– Куда повезете? – спросила Инга на всякий случай.

Больница была знакомая, бывшая Седьмая городская, ныне Святого Варсонофия.

Подоспел полицейский патруль, и началась карусель. Маринка успела еще сказать, что ничего не помнит, и удачно сделала вид, что отключилась. Менты набросились на Ингу. Она отвечала кратко, что понятия не имеет, что случилось, никого не видела, а нашла девицу в кабинке с мешком на голове. Мешок разорвала, сделала искусственное дыхание.

– Все правильно сделала, – ободряюще кивнул ей задержавшийся врач. – Успела вовремя, человеку жизнь спасла.

Второй мент уже опросил свидетелей и теперь посматривал на Ингу с подозрением. В курсе уже, что она влетела в бар как полоумная и сразу бросилась в туалет.

– Прихватило живот, – усмехнулась Инга, – вот и торопилась. Понятно?

– И как, успела? – фыркнул врач.

– Да я все на свете забыла, как ее увидела!

На все вопросы она отвечала, что с потерпевшей не знакома, вообще впервые ее видит. Пристальный взгляд бармена старалась не замечать – он-то, конечно, помнит, как сам указал Инге на Маринку, когда она пришла сюда в первый раз разузнавать о брате Воскобойникова. Фотографию еще показывала.

Все правильно она рассчитала: бармен промолчал, ему лишние неприятности ни к чему. Скажи что не так – потом затаскают на допросы, лучше притвориться шлангом и сидеть тихо. Так и оказалось.

Немного беспокоило ее то, что пришлось дать ментам свои координаты. Ну да ладно.

Послышался гудок «Скорой» – заждались врача.

– Ребята, вы девушку не обижайте, – повернулся он к полицейским. – Если бы не она, вы бы с трупом сейчас возились, а так все путем. А ты коньяку ей налей за счет заведения, – подмигнул он бармену, – чтобы в себя пришла.

– Да я в порядке, – вздохнула Инга, – дышать только тяжело.

– Это пройдет, – доктор погладил ее по щеке и вышел – высокий, плечистый, спокойный. Надежный, поняла Инга, сразу видно, что хороший, надежный мужик, никакой подлости не сделает и в трудную минуту поможет.

Она тихонько вздохнула – неужели есть на свете такие? Она уже и думать забыла, что есть. Привыкла одной быть, только на себя рассчитывать.

Раньше у них была семья – мама, папа, две девочки, Инга и Ангелина. Это отец их так назвал, утверждал, что у него немецкие корни. Жили они в большом деревенском доме в городе Луге, родители учительствовали, дочек растили.

А когда Инге было семнадцать, родители погибли в аварии – в их «жигуленка» врезался на повороте бензовоз.

Вот тогда и хватили Инга с сестрой лиха. Хотя уж кому, как не ей, знать, что это было еще не самое страшное время. Люди помогли – соседи, директор школы, где отец работал. Как-то выжили, главное, они все время с сестрой были вдвоем. А уж потом... Инга зябко поежилась и осознала себя в коридоре перед злосчастным туалетом. Бармен тронул ее за рукав.

– Пойдем, что ли, и правда коньяк тебе налью.

Инга прислушалась к себе. До дома она просто не дойдет, если не передохнет хоть немножко. Последние час, два, три – сколько там прошло – она держалась на адреналине и теперь ощущала себя сдувшимся воздушным шариком.

– Лучше кофе, – попросила она.

Бармен привел ее в маленькую комнатку – не то подсобка, не то кладовая. Всех посетителей из бара выгнали, в зале хозяин заведения в чем-то горячо убеждал полицейских, видно, пытался свести ущерб к минимуму.

Бармен принес кофе и, невзирая на протесты Инги, влил в чашку солидную порцию коньяка. Его позвали из зала – подписать протокол и еще что-то. Инга была рада оказаться в одиночестве.

Она думала о своей жизни.

Прошло чуть больше восьми лет с тех пор, как нормальная жизнь для нее закончилась. Да, тогда было тяжело, голодно, но они с сестрой были вдвоем. Все делили пополам, и девиз у них такой был: главное – держаться вместе. Вместе они все преодолеют.

Так и жили. И выкарабкались, дала судьба поблажку. Просто отодвинула несчастье ненадолго.

Линка, сестренка, выросла, похорошела, вышла замуж. Иван полицейским был, старше ее на семь лет. Вроде любил ее.

А потом случилось страшное – убили сестренку. Инга и нашла ее мертвую в окружении свечей в подвале их собственного дома. В городе тогда маньяк орудовал – пять трупов обнаружили в таком же виде.

Инга с тех пор не то чтобы умом повредилась, а как будто выжгло у нее все внутри. Не живым человеком, а манекеном себя чувствовала. Уехала из родительского дома, устроилась в Петербурге, работу нашла. Так восемь лет и прокантовалась.

Связалась с подлецом Дзюбой, с, позволения сказать, доктором, он и подсадил ее на таблетки. А без них она бы давно с моста в Неву бросилась или вены себе перерезала. Не было сил терпеть боль.

Только три месяца назад Инга в себя пришла. Потому что жизнь такое с ней сотворила, в такой оборот взяла – не каждый выживет. А у нее так получилось, что клин клином вышибло.

Многое в той давней истории разъяснилось, встало на свои места, но убийца сестры так и остался неизвестным. Видно, это испытание Инге на всю жизнь.

Одно хорошо – с таблетками она полностью завязала. Подлеца Дзюбу уж несколько месяцев не видела. Они тогда познакомились с Шефом, он уговорил на него работать и не то чтобы пообещал разобраться с делом сестры, но намекнул, что все возможно. Рано или поздно, сказал, всплывет и это убийство, потому что в нашем рисковом деле не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Инга поверила, ей больше ничего не оставалось. И не жалела в общем.

Но такого, как нынешнее, дела еще не было. Инга чувствовала, что оно затянет ее в черную трясику. Что происходит? Зачем какой-то злодей так страшно убивает людей? Какая у него цель? Запугать, но кого? Не ее же, не Ингу, она здесь каким боком?

Ложечка выскользнула из рук и с тревожным звоном упала на кафельный пол. Инга очнулась от тяжких мыслей и поняла, что пора уходить. Бармен был настолько любезен, что вывел ее через служебный вход.

Глава 3

Она проснулась оттого, что сквозь сон услышала, как по комнате кто-то ходит. Шаги раздавались не во сне, она отчетливо ощущала чужое присутствие рядом с собой.

С трудом Инга подавила желание немедленно вскочить и заорать.

Сжала зубы и заставила себя лежать неподвижно, прислушиваясь. Так учил ее Шеф – в сомнительной ситуации не показывать сразу, что пришла в себя, а сперва понять, что происходит.

Вот скрипнул стул, который чуть сдвинули с места, вот что-то упало со стола и покатилося, его быстро подняли, Инга ощутила, как колыхнулся воздух в комнате, когда человек нагнулся. Шаги раздались у двери, и она решилась чуть приоткрыть глаза.

И тут же села рывком, чертыхнувшись, потому что столкнулась взглядом с Шефом – глаза в глаза. Оказывается, он вовсе не пошел к двери, а стоял рядом с ее диваном. Снова обыграл!

– Что вы делаете в моей квартире? – холодно спросила Инга.

Для нее давно не новость, что никаких замков для этого человека не существует, он может пробраться куда угодно, хоть в замочную скважину, хоть в игольное ушко. Но все-таки не очень-то приятно просыпаться, когда в квартире кто-то чужой.

– Так что вы здесь делаете? – Теперь Инга уже не скрывала злости.

– Ты телефон зачем выключила? – Шеф нисколько не смутился.

– Разрядился, наверное.

Шеф покачал головой – небось проверил уже ее телефон.

А она и правда вчера выключила мобильный, потому что ей все надоело. Слишком много для одного дня: мертвец с отрубленными кистями, Маринка эта с мешком на голове.

– Ладно, ты вставай, я кофе сварю.

Он вышел на кухню.

Кофе Шеф умел варить отлично, это Инга знала.

Она натянула спортивные брюки и майку, умылась, наскоро причесала волосы. Утром на себя в зеркало лучше не смотреть. От этой мысли Инга расстроилась и тут же удивилась – вчера с ней столько всего произошло, неизвестный убийца играет с ней, как кошка с мышкой, а она думает, хорошо ли выглядит!

Дивный запах из кухни привел ее в чувство.

– Снова холодильник пустой, – проворчал Шеф, – этак ты совсем на нет сойдешь, без еды-то.

Инга хмыкнула – заботу проявляет, стало быть, чего-то ему от нее нужно.

– Знаете уже насчет Вестготтена?

– Да уж, – вздохнул Шеф, – договорился, теперь мне обо всех необычных происшествиях сообщают. Нашли его вчера по окончании рабочего дня, уборщица обнаружила. Конечно, шум, визг, тетка чуть концы не отдала, полиция приехала. Хотя посторонних никого не было, так что пока информацию они придержат. Главное, чтобы газетчики не пронюхали.

– Видели там хоть кого-то свидетели?

– Тебя видели. Охранник на входе очень хорошо тебя описал: красотка, говорит, такая, блондинка, вся из себя.

– Что, меня теперь полиция искать будет?

– А как же. Да ладно, этот вопрос мы решим, не нервничай.

– Надеюсь, – мрачно выдавила Инга. – И вот еще что...

Она рассказала о вчерашнем звонке Маринки и о том, что за этим последовало. Шеф слушал внимательно, вопросов не задавал.

– Вот так вот, – подвел черту, – стало быть, появилась какая-то брюнетка. Вряд ли она – это наш убийца, похоже, просто ему помогает.

– Ничего себе помощь – Маринку на тот свет едва не отправила!

– Свидетелей не хотела оставлять, да ты вовремя подоспела. Значит, если верить этой Марине, брюнетка в тот вечер была с пропавшим братом Воскобойникова. И больше его никто не видел. Боюсь, что никто и не увидит, нет его больше.

Инга хотела спросить, за каким чертом тогда они возьмется с этим делом, но осеклась. Их уже втянули, теперь так просто из этой игры не выйти.

– Ладно, теперь будем ждать, где эти руки обнаружатся.

– Думаете, снова подбросит в какое-нибудь публичное место?

– Всенепременно, – вздохнул Шеф, – почерк у него такой, как у художника. Иначе и огород городить незачем. Ты будь поосторожнее пока, я позвоню.

И ушел, не прощаясь. И то прогресс – сам пришел, кофе сварил, проявил заботу...

– Что это?! – Анна остановилась на пороге и повернулась к своим спутникам. Ее красивое лицо перекосилось, как будто она надкусила лимон. – Что это, я вас спрашиваю?

– О чем вы, Анна Евгеньевна? – всполошился Вахтанг Семенидзе, менеджер престижного клуба, вальяжный мужчина с седыми висками.

– Цветы, – прошипела Василиса, совмещавшая должности директора, менеджера и девочки для битья при знаменитой пианистке. – Цветы! Я же вам звонила!..

На низком столике у окна стоял огромный букет белых лилий.

– А что цветы? – растерянно протянул Вахтанг. – Вы сказали лилии, я и купил лилии.

– Пурпурные! – схватилась за голову Василиса. – Лилии должны быть непременно пурпурные!

– Ка... какие? – переспросил Вахтанг.

– Неужели это так трудно запомнить! – воскликнула пианистка, заламывая красивые тонкие руки. – Казалось бы, я отдаю всю себя людям и так мало прошу взамен! Неужели трудно сделать для меня такую малость? Всего лишь поставить в моей комнате скромный букет моих любимых цветов! Так нет же, вместо них вы приволокли какой-то пошлый веник!..

– Анюточка, не волнуйся, – кудахтала вокруг нее Василиса, – ты же знаешь, тебе нельзя волноваться перед выступлением! У тебя будут дрожать руки!

– А все ты, – Анна повернулась к Василисе. – Это твоя работа – проследить, чтобы все было как надо.

– Я виновата, Анюточка! Я очень виновата! – закивала Василиса и сделала за спиной знак Вахтангу, чтобы убрал наконец эти ужасные цветы. – Я виновата, Анюточка, только успокойся! Тебе через час выступать. Ты же знаешь, что тебе нельзя волноваться перед выступлением. У тебя будут дрожать руки!

– Разве это кого-нибудь волнует? – Анна прикрыла глаза. – Ладно, дайте мне воды. Стакан воды...

– Вы слышали? – Василиса метнула молнию в сторону Вахтанга.

Тот закатил глаза, сделал несколько пассивных, как цирковой фокусник, и в комнате мгновенно нарисовались двое безмолвных подручных. Один вынес цветы, другой принес стакан и бутылку минеральной воды.

Вахтанг сам налил воду в стакан и протянул пианистке.

Он слышал, что у Анны Кахетинской ужасный характер, но не представлял, что все настолько серьезно.

Она поднесла к губам стакан, сделала маленький глоток и снова перекосилась:

– Что это?

– Вода, – пробормотал Вахтанг, – французская, без газа...

– Французская! Без газа! – передразнила пианистка и снова повернулась к Василисе: – Ты ему сказала, какую воду я пью?

– Конечно, Анюточка! Конечно, я сказала: ты пьешь только Perrier.

– А это что?

– Это Evian, – с тяжелым вздохом проговорила Василиса и укоризненно глянула на Вахтанга.

– И вот что теперь делать? – страдальчески протянула Анна. – Я даже не могу получить стакан воды! Боюсь, сегодняшнее выступление не состоится.

– Но, Анна Евгеньевна, – взмолился Вахтанг, – зрители уже ждут! Вас пришли послушать такие люди, такие люди... – Он выразительно поднял глаза к потолку. – Мы не можем их разочаровать!

– А если вы не хотите, чтобы мое выступление сорвалось, нужно выполнять мои скромные пожелания. По-моему, это так просто! Я ведь не прошу ничего особенного! Вы сами виноваты, что довели меня до такого... Боюсь, сегодняшний концерт не состоится, я просто не в состоянии выйти на сцену!

Из страдальческой ее интонация сделалась раздраженно-истерической, а голос стал визгливым, как дисковая пила.

Вахтанг подумал, как обманчива может быть внешность: в таком ангельском облике, в такой грациозной оболочке скрывается редкостная стерва. Он сочувственно покосился на Василису – бедняге приходится терпеть эту стерву каждый день.

– Анюточка, – взмолилась Василиса, – ты слышала, что он сказал? На твоё выступление придут выдающиеся люди! Ты не можешь их разочаровать. Ведь ты живешь ради людей, живешь ради искусства. Ты несешь его людям! Тем более таким людям!.. Знаешь, кто будет сегодня на концерте?

Она что-то прошептала на ухо пианистке. Та задумалась.

– И ты помнишь, – добавила Василиса последний аргумент, – помнишь, что в договоре прописана большая неустойка.

– Большая? Насколько большая?

Василиса снова что-то зашептала ей на ухо.

Анна скривилась.

– И он сейчас же исправит свою ошибку, – ворковала Василиса, одновременно перемигиваясь с Вахтангом.

В комнату вбежал подручный с новой бутылкой минеральной воды.

– Вот видишь, Perrier уже принесли!

Анна отпила воды, но тут же бросила стакан на пол:

– Это не настоящая Perrier, это какая-то подделка! Что вы мне пытаетесь подсунуть?

– Как подделка? – Вахтанг недоверчиво уставился на бутылку. – Поставщик клянется...

– Он может говорить все что угодно, но я как-нибудь отличу настоящую Perrier от фальшивки. Ладно, давайте тогда Evian...

Она выпила полстакана воды с таким видом, как будто пьет цианистый калий.

– Ведите меня, так и быть. Где у вас рояль?

Это прозвучало так, как будто она была приговоренной к казни французской королевой и спрашивала у своих палачей, как пройти на эшафот.

Задержавшись на пороге, Василиса напряженным шепотом спросила:

– Надеюсь, с роялем не будет никаких неприятностей? Вы знаете, что Анна играет только на «Бехштейне».

– Знаю, знаю! – успокоил ее Вахтанг. – Рояль прекрасный, акустика у нас в гостиной замечательная. – И тут же добавил, не разжимая губ: – Как вы ее выносите?

– У каждого свой крест, – вздохнула Василиса.

Они вышли в Готическую гостиную – самое большое помещение клуба, действительно оформленное с намеком на готический стиль. На стенах здесь красовались имитации старинного оружия, в глубине над большим камином из натурального камня висел рыцарский щит с гербом. Зрители уже заняли места. На возвышении стоял рояль знаменитой фирмы, рядом с ним на специальном пюпитре была прикреплена афиша:

«Анна Кахетинская. Этюды Шопена».

Пианистка на мгновение остановилась в дверях, оглядела публику и неторопливо проследовала к роялю. Василиса опередила ее, проверила, что табурет установлен на нужной высоте и ноты приготовлены. Она и крышку рояля открыла бы, но Анна всегда делала это сама – считала, что это красивый жест.

И сейчас она поклонилась публике, под сдержанные аплодисменты знающих себе цену людей села за инструмент, подняла крышку...

И начала медленно сползать на пол.

Василиса быстро взглянула, чтобы понять, что, собственно, происходит.

И ей самой стало нехорошо.

На черно-белой, как сама жизнь, клавиатуре рояля лежали две человеческих руки.

Две отрубленные кисти.

Василиса преодолела дурноту, перевела взгляд на пианистку.

Лицо Анны залила смертельная бледность, глаза закатились.

Грациозно, как в замедленной съемке, она соскальзывала на пол.

Василиса вполне могла ее подхватить, но тут она очень кстати вспомнила все бесчисленные унижения, которые пришлось пережить на службе у этой стервозной звезды, и слегка замешкалась. Буквально на секунду, но этого хватило.

Лауреатка многочисленных международных конкурсов Анна Кахетинская с неожиданным для такого хрупкого создания грохотом рухнула на пол. Звук был такой, как будто с третьего этажа упал трехстворчатый шкаф.

Должно быть, сыграла роль замечательная акустика Готической гостиной.

В это мгновение Василиса пережила чувство небывалого восторга. Все тело ее затрепетало, некрасивое, вечно озабоченное лицо дышало неземным счастьем. Глаза сияли, как звезды, руки прижимались к бурно вздымающейся груди, губы улыбались. Да, ради такого триумфа стоило три года терпеть все издевательства.

Зрители, поначалу оцепеневшие, теперь повскакали с мест и бросились к роялю.

Вахтанг Семенидзе не мог себе позволить упасть в обморок или замешкаться. Он ясно видел, что лежало на клавиатуре, поэтому коршуном бросился к роялю, растолкал особо ретивых зрителей и захлопнул крышку. Но кто-то уже успел сфотографировать ужасную картину на телефон. Значит, совсем скоро снимок появится в Интернете.

Вахтанг тихо выругался сквозь зубы. Больше он ничего не мог сделать.

Инга увидела сюжет в Интернете рано утром, когда просматривала новости. Отрубленные кисти обнаружили в закрытом клубе, где должна была выступать известная пианистка. Лежали под крышкой рояля. Что ж, довольно остроумно, если бы не было так страшно.

– Видела? – это звонил Шеф.

– Видела. Сразу предупреждаю: в клуб не пойду, хоть что со мной делайте. Мне вчерашнего за глаза хватило.

– То ли еще будет, – посулил Шеф.

В клуб он решил отправиться сам.

А у Инги сегодня было одно дело – навестить в больнице бестолковую Маринку. Не то чтобы она сильно беспокоилась о ее здоровье или чувствовала себя обязанной отнести болящей килограмм апельсинов, просто хотелось расспросить подробнее о неизвестной брюнетке.

Хоть Маринка и полная балбеска, память у нее феноменальная, просто, как говорится, не той досталась.

В больнице порядки были свободные, тем более после пяти вечера, когда все врачи ушли.

Маринку она нашла в холле у телевизора, та с увлечением смотрела шоу «Давай поженимся». Инге она искренне обрадовалась.

– Тебе разве лежать не надо?

– Да меня скоро выпишут, сказали, что сотрясение легкое и даже хорошо, что крови много было, поэтому гематомы не будет, вот! Ты не думай, что я полная дура, – Маринка посерьезнела, – я ведь понимаю, что ты мне жизнь спасла.

– Да ладно, я же тебя в это дело и втянула, – вздохнула Инга. – Только ты, пожалуйста, проникнись.

– Да я в эту «Африку» больше ни ногой! – горячо заверила Маринка.

– И лучше бы вообще по барам шататься, по крайней мере, пока все не разъяснится. Слушай, этот парень, Андрей, он ведь пропал с концами. Как сквозь землю провалился. А брата его убили. И тебя пытались. Так что будь осторожна.

– Надо же, сволочь какая эта баба, – задумчиво сказала Маринка. – Вот что я ей плохого сделала?

– Ты ее с Андреем последний раз видела, а она хотела все концы обрубить. Слушай, опиши мне ее еще раз.

– Брюнетка, стрижена очень коротко, рот большой, помада такая ярко-красная. Прикид стильный: сапоги высокие, пальто такое черное с красным, вот тут полоса, а тут гладко. А тут тоже полоса, только не вся красная, а в крапинку. Шикарное, в общем, пальто.

– Что пальто, – вздохнула Инга, – может, у нее пальто этих полно. Наденет другое, и все.

– Не скажи, – серьезно возразила Маринка – пальто крутое, супермодное, видно, что дорогое. Она его в этом сезоне все время носить будет. Потому что в следующем оно запросто из моды выйти может.

– Больше ничего не вспомнишь?

– Да вроде нет.

– Тогда я пойду. Поправляйся. – Инга встала.

– Да, вот еще что, – бросила ей в спину Маринка, – тут доктор заходил, тот, из «Скорой». О тебе спрашивал – кто такая и не могу ли я дать твои координаты.

– А ты что? – Инга круто обернулась.

– А что я? Ты ведь велела помалкивать, я и молчу. Сказала, что знать тебя не знаю, первый раз тогда виделись.

– Ладно. – Инга постаралась, чтобы в голосе не прозвучало разочарование.

«До чего бестолковая девка эта Маринка, – думала она на ходу. – Когда не надо, языком метет, как помелом, а то вдруг молчит, как двоечник у доски...»

Впереди мелькнул высокий мужчина в медицинской униформе. Было что-то знакомое в этом развороте плеч и походке, и Инга ускорила шаг, обогнала его и обернулась, готовая улыбнуться. Но не понадобилось – доктор оказался не тот. Он посмотрел удивленно, она поскорее отвернулась и припустила вперед, сердясь на себя. Просто как девочка тринадцати лет, смешно даже.

– Слушаю вас. – Вахтанг Семенидзе высокомерно глянул на невзрачного посетителя.

Тот явно не принадлежал к приличному кругу, не мог быть членом клуба «Делагарди» или другом кого-нибудь из членов клуба. Или даже секретарем друга. И вообще, этот посетитель был какой-то бесцветный, можно сказать, никакой. Увидишь такого на улице – не обратишь внимания, столкнешься с ним – и ни за что не вспомнишь. Ничтожный человечиска, словом, незачем тратить на него время.

Чтобы дать посетителю это понять, Вахтанг взглянул на часы. На дорогие и красивые швейцарские часы на руке.

На посетителя, однако, это не произвело никакого впечатления – ни взгляд Вахтанга, ни часовой бренд. Он продолжал молча разглядывать менеджера клуба с таким интересом, с каким энтомолог разглядывает насекомое, случайно залетевшее к нему в тарелку.

– Чем могу помочь? – Вахтанг нахмурился и постучал пальцем по столу. – Имейте в виду, у меня мало времени. Если вы что-то хотите сказать, говорите быстрее, меня люди ждут.

– Подождут, – проговорил посетитель голосом таким же бесцветным, как он сам. – И, кстати, никакие люди вас не ждут. У вас на сегодня не запланировано ни одной встречи. Скажите мне, Вахтанг Нодарович, кто имел доступ к роялю?

– Что, – Вахтанг поперхнулся, – к какому роялю? Я вас совершенно не понимаю.

– Да бросьте, все вы прекрасно понимаете. – Бесцветный посетитель поморщился. – Ладно, если вам угодно, поясню. Кто имел доступ к тому роялю, на котором должна была играть Анна Кахетинская? Кто мог положить на клавиатуру, сами знаете, что?

– Да кто вы такой, чтобы задавать подобные вопросы? – взвился Вахтанг. – Вы из полиции? С полицией я уже все обсудил, мы расстались ко взаимному удовлетворению. Между прочим, Василий Константинович лично гарантировал, что нас больше никто не будет беспокоить.

– Нет, я не из полиции. – Бесцветный чуть заметно усмехнулся. Упоминание Василия Константиновича не произвело на него никакого впечатления.

– Тогда тем более. Я не собираюсь с вами ничего обсуждать и настоятельно прошу покинуть клуб. Мне не хочется приглашать охранников, поэтому будет лучше, если вы...

– Правильно, не хочется, – перебил его бесцветный, – зачем вам лишние свидетели?

– Свидетели чего?

– Ох, Вахтанг Нодарович. – Бесцветный посетитель, в котором Инга без труда узнала бы своего шефа, точнее Шефа, тяжело вздохнул. – Как вы считаете, Василию Константиновичу понравится эпизод вашей биографии, случившийся пятнадцать лет назад?

– О чем вы? – Вахтанг набычился, его лицо налилось краской.

– Интересно, как вам тогда удалось отмазаться от обвинения в торговле наркотой? То есть я примерно представляю, сколько вам это стоило...

– Не знаю, о чем вы.

– Ах, правда, двести граммов героина – такая мелочь. – Шеф сделал паузу. – Вот обвинение в педофилии – это гораздо серьезнее. Помните того мальчика, кажется, Сережу?.. А ему ведь было всего шестнадцать. Вам и от этого обвинения удалось отмазаться, но, боюсь, Василий Константинович может отнестись к той истории гораздо строже. Сами знаете, как теперь к этому относятся. В любом случае с таким пятном в биографии вам вряд ли удастся остаться на этом месте. А место, согласитесь, неплохое: престижный клуб, приличные люди ходят...

– Кто вы, черт возьми? – Вахтанг с опаской посмотрел на дверь кабинета. – Что вам от меня нужно? Денег? Я могу сколько-то собрать, но это займет время...

– Упаси вас бог, – Шеф замахал руками, – у вас бы я их никогда не взял. Император Веспасиан, утверждавший, что деньги не пахнут, глубоко заблуждался. А что мне нужно, я сказал вполне ясно: мне нужно узнать, кто имел доступ к роялю. Кто мог положить на него отрубленные руки?

– Зачем вам это? – пролепетал Вахтанг.

– Станный вы человек. Вас просят ответить на простой вопрос, а вы вместо этого задаете новый. Вы ведь наверняка проверяли рояль перед концертом?

– Да, разумеется. И крышка была закрыта на ключ, я сам открыл ее и проверил – все было в порядке. А потом началась суeta – сами понимаете, звезда такого уровня...

– Когда это было? Я имею в виду, когда вы открывали крышку рояля?

– Минут за сорок до начала концерта.

– Кто имел доступ к инструменту в эти сорок минут?

Вахтанг мучительно задумался.

– Может быть, кто-то из работников клуба? Официанты, уборщицы, охранники?

– Нет, никто из них к роялю не подходил. Уборщицы у нас работают только по ночам, чтобы не раздражать гостей, а официанты в начале вечера всегда заняты в ресторане. Охранники не болтались по комнатам просто так, они все встречали посетителей. Я просто не представляю, кто это мог сделать!..

– Давайте пройдем в вашу Готическую гостиную, на место, так сказать, преступления. Может быть, сама атмосфера этой комнаты поможет вам освежить память.

Вахтанг немного замялся.

– Это в ваших же интересах, – напомнил Шеф. – Вы мне поможете, и мы больше никогда не встретимся.

С тяжелым вздохом Вахтанг поднялся и покинул кабинет. Вдвоем они прошли к месту недавнего концерта.

Рояль все еще стоял на возвышении.

– Здесь все выглядит так же, как тогда?

Шеф быстро осматривал камин из натурального камня, рыцарский герб над ним и темную резную мебель.

– Значит, вы открывали крышку рояля за сорок минут до начала. Что было потом?

– Потом... потом приехала Кахетинская, и начался сумасшедший дом. Все ей не нравилось, все было не по ней – цветы не того оттенка, вода не той фирмы...

– Цветы? Это наверняка были свежие цветы?

– Разумеется. Лилии.

– И когда их доставили?

– Когда – перед самым появлением Кахетинской. Я уже начал беспокоиться, и тут она приехала. Правда, как оказалось, лилии были не того цвета: Кахетинская любит пурпурные, а она доставила белые. Наша фифа из-за этого такой скандал устроила.

– Она? – переспросил шеф. – Кто это она?

– Девица из цветочного магазина. Та, что привезла букет.

– Постойте-ка, а как она выглядела?

– Не в моем вкусе, долговязая брюнетка. Я предпочитаю пышных блондинок.

– Насколько я знаю, вы предпочитаете мускулистых блондинов. Или у вас разносторонняя натура?

– Да ладно вам, – поморщился Вахтанг, – вы же обещали...

– Обещал, обещал. И сдержу слово. А сейчас об этой брюнетке – опишите ее подробнее!

– Я же говорю: совсем неинтересная – худая, еще очень коротко подстрижена.

– Очень коротко? – заинтересовался Шеф.

– Угу, почти наголо. А покрашена чересчур ярко, рот такой большой, ярко-красный...

Неприятно, прямо как у вампира.

– А на ней случайно не было красно-черного пальто?

– Было что-то похожее. Так это ваша знакомая?

– В каком-то смысле, – протянул Шеф, – но вообще вопросы я бы предпочел задавать сам. Он снова внимательно оглядел гостиную и повернулся к Вахтангу:

– Скажите, а в этой комнате ничего не изменилось? Все здесь такое же, как обычно?

– Такое же. – Вахтанг пожал плечами. – А что здесь могло измениться?

– Вам лучше знать, вы же здесь работаете. Вот, скажем, герб над камином – он всегда был таким?

– Конечно, герб рыцарского рода Делагарди. Рода, которому наш клуб обязан своим названием. Геральдический лев красного цвета на фоне двухцветного щита – верхняя часть

золотая, нижняя лазоревая, с тремя серебряными лилиями. – Вахтанг лихо отбарабанил это все, должно быть, ему приходилось не один десяток раз повторять это для любопытных посетителей.

– Геральдический лев? Вы уверены, что это именно лев?

– Конечно.

Вахтанг повернулся к камину, уставился на герб. И лишился дара речи.

– Не понимаю, как такое могло случиться, – пробормотал он после долгой паузы. – Это просто невозможно.

На рыцарском гербе Делагарди вместо красного льва ухмылялся носорог. Геральдическим его можно было назвать с большой натяжкой.

– Интересно. – Шеф подошел ближе к щиту и сфотографировал его на свой мобильный телефон. Потом снова повернулся к Вахтангу:

– Конечно, спрашивать вас, когда на гербе сменилось животное, не имеет смысла?

– Я не знаю, – протянул тот растерянно, – я просто не представляю. И как я раньше этого не заметил?

– Ладно, думаю, больше вы мне ничем не поможете.

– Но вы обещали, что никто не узнает о тех давних делах, – умоляющим голосом пролепетал Вахтанг. – Особенно Василий Константинович!..

– Все будет зависеть от вас!

Глава 4

Вернувшись к себе, Шеф загрузил фотографию герба в компьютер и еще раз внимательно его осмотрел.

Невесть откуда взявшийся носорог вовсе не был похож на геральдическое животное. Зверь был изображен со всеми подробностями – скорее уж как в зоологическом атласе, а не на гербе. Мощную голову украшали два рога довольно странной формы, причем задний рог был длиннее и массивнее переднего.

Шеф был не слишком силен в зоологии, но почти уверен, что у обычных носорогов все обстоит как раз наоборот. Чтобы проверить себя, он заглянул в статью о носорогах в Википедии и убедился, что все помнит правильно: у обычных носорогов в зависимости от вида или всего один рог, или задний гораздо короче переднего.

К счастью, в Интернете можно найти все, то есть почти все, и после сорока минут упорных поисков Шеф отыскал то, что его интересовало.

Выяснилось, что носорог, похожий на того, который поселился на гербе Делагарди, обнаружен в конце XX века на Суматре немецким исследователем Данцигом и в его честь назван носорогом Данцига. Вид крайне редкий, возможно, сохранилось всего несколько особей.

Шеф вспомнил историю с часами на картине, которые привели их с Ингой к мертвому антиквару с отрубленными руками, и подумал, что носорог Данцига тоже не случайно появился в клубе «Делагарди». Именно здесь стоит искать подсказку, кто станет очередной жертвой таинственного убийцы.

Несколько дней назад имя жертвы нужно было разглядеть на циферблате часов. Что ж, ничего удивительного, если на этот раз подсказкой станет носорог.

Носорог Данцига.

Вряд ли очередную жертву обнаружат в зоопарке. Насколько Шеф помнил, в петербургском зоопарке вообще носорогов нет. Значит, ключевое слово – «Данциг».

Что это – название фирмы, город или фамилия человека, находящегося в смертельной опасности?

Шеф задал слово «Данциг» в поисковой строке, и всезнающая Сеть завалила его информацией. Однако пока он эту информацию отложил и решил сосредоточиться на поисках шустрой брюнетки, которая привезла белые лилии. Она же, надо думать, подложила в роаль отрубленные кисти рук. Больше некому.

– Встретимся у цветочного магазина «Эдельвейс» на Московском проспекте, – распорядился Шеф. – Поищем там твою знакомую брюнетку в модном пальто. Это она ручки в роаль подложила, для того и цветы привезла.

– Думаете, она так и сидит в этом «Эдельвейсе» и нас ждет?

Инге очень не хотелось тащиться никуда из дома. Только что пришла домой, сварила ароматный кофе и уселась поработать за компьютером – и вот на тебе. Еще и дождь на улице проливной. И вообще, тащиться осенним вечером на другой конец города – перспектива не из приятных.

Шеф был настойчив.

– Может, и не сидит, но какой-то след обязательно оставила. Магазин приличный, кого попало на работу не берут. Должны о ней хоть что-то знать.

Магазин и правда был шикарный. Он занимал отдельный одноэтажный особняк, большие витрины были ярко освещены, а в них, как на выставке, стояли искусно составленные букеты. Очень, кстати, дорогие. Инга решила идти в «Эдельвейс» под видом клиентки, а Шеф сказал, что будет ее водителем.

– Что желаете? – подскочила к ней продавщица.

– Что можно желать в цветочном магазине? Разумеется, цветы.

– Букет, корзину, композицию? – затарахтела продавщица. – Цветы одного вида или разные? Крупные, мелкие? Букет составной? Есть горшочные растения, цветущие и зеленые...

– Вы мне еще венок предложите, – фыркнула Инга.

С Шефом они договорились, что она будет отвлекать продавщицу, чтобы у него появилась возможность маневра.

Она долго и придирчиво выбирала цветы для букета, потом забраковала все и решила, что возьмет корзину.

Продавщица предлагала ей корзины одну за другой, но Инга только морщилась и ворчала, что это все не то.

Продавщица была профессионально вежлива, но любое терпение имеет предел. Девушка сказала что-то резкое, Инга тотчас завелась и устроила скандал. На шум явилась директор магазина. Движением бровей отослала вспльчивую продавщицу в подсобку и сама занялась Ингой.

Корзина наконец была составлена. Выглядела она и правда весьма представительно.

– По какому адресу прислать? – спросила директриса.

– Сама заберу, – буркнула Инга, – не могу оставить такой важный вопрос на самотек. У вас вечно все путают.

– Что вы, мы никогда ничего не путаем. Точность выполнения заказа – наше правило.

– Ага, у меня по соседству клуб «Делагарди». Так вчера только жаловался Вахтанг Нодарович, управляющий их, что заказывали пурпурные лилии, а привезли примитивные белые. Перед клиентом важным неудобно было, уж он как мог прощения просил, а с вашей-то девушки как с гуся вода! Еще и нахамила ему.

– Не может быть! – всполошилась директриса. – Татьяна у нас человек новый, курьером третий день работает, но нареканий никаких не было. Сейчас посмотрим, – она открыла журнал заказов, – так, клуб «Делагарди», букет к девятнадцати тридцати. Написано «лилии», а цвет не указан!

– Не знаю, – раздраженно сказала Инга, – мне-то какое дело, разбирайтесь с ними сами.

– Разберусь, – коротко ответила директриса. – Вам корзину до машины донести?

– У меня водитель здесь. Павел, где вы все время ходите? – заорала Инга.

– Здесь я. – Шеф появился из глубин магазина и поглядел на огромную корзину очень выразительно, дескать, куда такая прорва цветов, эти хозяева с жиру бесятся.

– Беда с персоналом, – вздохнула Инга, расплачиваясь за корзину.

Понимания у директрисы не получила и вышла.

– И что? – спросила она в машине.

– Переписал данные этой курьерши, да вот только... – Шеф уже смотрел в компьютер. – Так я и знал! Паспорт, по которому она на работу устроилась, украден два года назад. Настоящая Татьяна Ивановна Семенова понятия не имеет, кто пользуется ее именем.

– Значит, тупик? – помрачнела Инга.

– Я там на всякий случай камеру поставил, вдруг наша брюнетка снова объявится. И еще есть кое-что, но это потом. А сейчас едем в аэропорт встречать Романа Звягина, он раньше срока возвращается.

Инга согласно кивнула. Шеф молодец, ничего не упускает, все звенья у него под контролем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.